

Annotation

По официальной версии, 27-летний музыкант умер от сердечной недостаточности в своей парижской квартире в 1971 году.

- [Альберт Голдман](#)

-

Альберт Голдман

The END. Загадка смерти Джима Моррисона

По официальной версии, 27-летний музыкант умер от сердечной недостаточности в своей парижской квартире в 1971 году.

Смерть Джима Моррисона — 3 июля 1971 года в Париже — произошла так незаметно, что слух о ней достиг менеджера певца в Лос-Анджелесе только через два дня. Когда звонок из Лондона разбудил Билла Сиддонса, он не принял его всерьез. С какой стати? Сообщения о смерти Моррисона стали таким же обычным явлением, как рассказы о встречах с летающими тарелками. Однажды прошел слух, что он ослеп или умер от передозировки; на следующий день он погиб в автокатастрофе, или попал в сумасшедший дом, или ему ампутировали обе ноги. Его опасная аура как бы предполагала все эти ужасные происшествия, и аура эта усиливалась его образом жизни, постоянно пьяным или под кайфом, постоянно вываливающимся из окон, или разбивающим машину, или недвусмысленно заявляющим, что он решил свести счеты с жизнью.

Однако после того, как Сиддонс перевернулся на другой бок и попробовал снова заснуть, ему не давал покоя какой-то тревожный импульс, который, в конце концов, заставил позвонить на парижскую

квартиру, занимаемую звездой в течение последних четырех месяцев.

Памела Курсон, подружка Моррисона, ничего толком не объяснила, а сказала менеджеру "прийти немедленно", как будто он жил за углом.

Через три дня Сиддонс обратился к фанам Моррисона с обращением, обнародованным через фирму по связям с общественностью. "Я только что вернулся из Парижа, — заявил он, — где присутствовал на похоронах Джима Моррисона. Джима похоронили после простой церемонии, на которой присутствовали только самые близкие друзья. Первоначальная информация о смерти и похоронах не оглашалась, поскольку те из нас, кто его любил и близко знал как человека, хотели избежать той шумихи и клоунады, которая окружала смерть таких личностей, как Дженис Джоплин и Джимми Хендрикс".

Действительно ли смерти Джоплин и Хендрикса были окружены «клоунадой»? Не думаю. Были шок и ужас, горе и любопытство, но «шумиха» вокруг этих смертей была связана с их причиной — применением наркотиков. Если 27-летний Джим Моррисон умер, как утверждал пресс-релиз, "мирно, от естественных причин... на руках у своей жены Пэм, после обращения к врачу по поводу проблем с дыханием", с какой стати бояться шумихи?

На самом деле смерть Моррисона таила нечто большее, чем следовало из деликатного заявления Сиддонса: фактически ни один разумный человек не верил, что Джим Моррисон мирно скончался во сне от естественной причины. И все же даже теперь, через двадцать пять лет, мы точно не знаем, что произошло. Музыка Моррисона переживает возрождение, давшее вторую жизнь многим старым рок-звездам, его альбомы продаются лучше, чем когда бы то ни было, а его легенда рассказывается и пересказывается в целом потоке статей и книг, Моррисон увековечен в замечательном фильме Оливера Стоуна, и все же нам еще предстоит услышать убедительную историю его смерти. Смерть также имела для него не меньшее значение, чем жизнь; по сути дела для него это было одно и то же, потому что ни один представитель контркультуры, как при Моррисоне, так и до него, не жил с образом смерти, так глубоко запечатленным в уме.

От начала до конца своей короткой, но блестящей карьеры Джим Моррисон писал о смерти, говорил о смерти и изображал смерть на сцене. Его шедевр, зловещее, шаманское странствие духа под названием "The

End" ("Конец"), полностью посвящен смерти и ее ассоциациям: отцеубийству, кровосмешению, наркотикам, любви и концу света. Смертью веет не только от его стихов, ее холодящее дыхание исходит также и от потусторонней музыки ДОРЗ, нередко напоминающей рок-н-рольный танец смерти. Каждый, кто знал Моррисона, признавал, что на нем лежала печать ранней смерти, и постоянное предвкушение смерти отразилось в телеграмме, отправленной им 7 марта 1968 года, когда группа находилась на пике славы. В тот день служба новостей опубликовала текст телеграммы: "Джим Моррисон умер — чуть позже".

У Моррисона было множество причин для подобной мании смерти, и он мучительно пытался выразить их. Прежде всего, он рассматривал жизнь как попытку высвободиться из смертельных объятий безумия и бесчувственности, отупляющего воздействия повседневности, в которую все мы погружаемся после детства. В бунтарской и рискованной жизни таких поэтов андеграунда, как Бодлер и Рембо, в нигилистической философии Ницше он находил подтверждение собственному инстинктивному убеждению в том, что единственным способом прорваться к страсти, свету и экстазу была жизнь в опасности. Как бы то ни было, следует признать, что жизнь и искусство Джима Моррисона представляли собой непрерывный диалог со смертью, и отсюда следует абсурдность отношения некоторых авторов к его смерти как к событию малозначительному. Не знать того, как умер Джим Моррисон, — это все равно, что просмотреть трагедию, последний акт которой состоит из десятка различных черновых вариантов.

В результате такого подхода появилась биография поп-журналиста Джерри Хопкинса, представляющая собой безнадёжную мешанину из слухов и предвзятых размышлений. Наиболее правдоподобные из этих историй Хопкинс назвал «официальными» версиями, не удосужившись объяснить, что именно обеспечивает их официальность. Очевидно, эту историю рассказала Памела Курсон за те несколько лет, которые отделяли ее смерть от смерти Моррисона.

В соответствии с этим рассказом Джим провел ранние часы вечера 2 июля за столом на террасе ресторана неподалеку от своей квартиры с Памелой, его подругой последних пяти лет, миловидной, веснушчатой, невинной на вид девчушкой из графства Орандж, Калифорния, сильно пристрастившейся к героину. С ним был старый приятель, Алан Роней,

родившийся в Париже, кинотехник, который живет в Лос-Анджелесе, но в то время гостил у двух известных французских киношников — Жака Деми (режиссера "Шербурских зонтиков") и его жены Агнес Варда. После обеда Моррисон пошел один смотреть фильм, порекомендованный ему Ронеем, картину Рауля Уолша 1947 года под названием «Преследование», вестерн в стиле "черного кино" с Робертом Митчумом в главной роли.

Когда Моррисон вернулся домой поздно вечером, его немного вырвало кровью. Памелу это не слишком беспокоило, потому что такое раньше уже случалось без особых последствий. Когда он сказал, что собирается принять ванну, она отправилась спать. В пять часов утра она проснулась и нашла его в ванне, "его руки лежали на керамических бортах, голова была откинута назад, длинные мокрые волосы спутались, мальчишеская улыбка застыла на чисто выбритом лице". Поначалу Памела подумала, что он разыгрывает одну из своих зловещих шуток, но затем позвонила в реанимационное отделение пожарной службы.

У Джерри Хопкинса есть и совсем другое, гораздо более интересное описание, на которое он просто ссылается, видимо, считая его не слишком достоверным. Эта реконструкция принадлежит Эрве Мюллеру, французскому поп-журналисту, который провел некоторое время с Моррисоном в последние месяцы его жизни. Он действительно звонил на квартиру певца утром, в день его смерти, получив ответ Алана Ронея, что парочка уехала за город на уик-энд. Впоследствии Мюллер опубликовал книгу о Моррисоне, в которой уклонился от подробного описания смерти своего героя, но через некоторое время его изыскания появились на страницах французского журнала "Глоб".

По версии Мюллера, в дни перед кончиной Моррисон ждал партию героина из Марселя (штаб-квартиры "Французской связи", т. е. корсиканской мафии). Джим оплатил эту покупку заранее, это было дорого, но наркотик того стоил, потому что поставщик, кличка которого была Китаец, привозил только "китайский белый" (хорошо очищенный героин из Гонконга). После обычных проволочек, несомненно, сопровождаемых многочисленными извинениями связных мафии в Париже и приступами паранойи в семействе Моррисонов, поступила весточка, что «смэк» (героин) можно получить в обычном месте стрелок Моррисона — Рок-н-ролл Цирке.

Цирк представлял собой пещеру под сводами в доме 57 на Рю-де-Сен, в студенческом квартале Сен-Жермен. Украшенный огромными снимками рок-звезд в цирковой одежде, он был предназначен для воспроизведения модных британских клубов, таких, как Бэг О'Нейлз. Клиентура его была ограниченной, часы работы — от полуночи до рассвета, кухня — американский «соул», дизайн сверхсекретной курительной комнаты — марокканский, а развлечения — помимо танцев под пластинки — спонтанные джем-сейшены заезжих рок-звезд, которым захотелось как следует оттянуться.

Предыдущий менеджер, Сэм Бернетт, вспоминает, что Моррисон приходил каждый вечер. "Каждый раз он был под кайфом или пьяный, в ненормальном состоянии. Его редко узнавали, потому что он разжирел и выглядел на все сорок. Однажды он оборзел, и вышибалы, которые не знали, кто он такой, вышвырнули его на улицу, где его подобрал и отвел на хату французский рок-фан. Проведя таким образом ночь, Джим приглашал всех подряд позавтракать в дорогом бульварном ресторане. Однажды ночью Джим попытался взобраться на сцену в Цирке, но не смог петь, поскольку был слишком пьян. Последние дни своей жизни он провел в мужских туалетах, где происходил дележ наркотиков.

Именно в туалете, по словам Мюллера, Моррисон провел свою последнюю ночь вместе с торговцем наркотиками по кличке Крошка Робер. Передавая дозу, Робер предупредил Джима: "Это не шутка". Джим тут же вмазался и впал в кому. Парочка "друзей Пэм", возможно, какие-то сердобольные вышибалы из клуба, выволокли Джима из туалета и перетащили в соседнее кабаре «Альказар», которое к тому времени было уже закрыто. Здесь они загрузили его в такси и позже положили в холодную ванну, чтобы оклемался.

Мюллер не настаивает на своей истории, поскольку все его свидетели — наркоманы и мелкие торговцы, не имеющие солидной репутации. И все же в этой истории нет ничего невероятного.

Моррисон не был наркоманом, но часто покупал героин для Пэм (добывать «смэк» — мужское дело). Мишель Одер, бывший муж Вайвы, суперзвезды Энди Уорхола, вспоминает, что не раз встречал Джима в номерах торговца героином в нью-йоркском отеле Челси. Американский диск-жокей Кэмерон Уотсон рассказывает, что за пару недель до смерти

Джима, он встретил его на террасе Кафе де Флор с одним фотографом, который подошел к Уотсону и шепотом сказал: "Джим Моррисон хочет купить «смэк». Не знаешь, где можно достать?"

То, что Моррисон сделал нечто, против чего его предостерегали, было совершенно в его характере. Сам он не стал бы колотиться наркотиком, потому что испытывал ужас к иглам. Он бы скорее понюхал. И пара сильных доз могла его убить, поскольку люди, не принимающие наркотиков, не обладают защитной функцией наркомана. И хотя версия Мюллера не имеет достаточных оснований, она может быть правдой, поскольку она жизненна. Перед лицом двух взаимоисключающих версий одного и того же события биограф инстинктивно ищет третий источник, на который можно было бы положиться. Но что это за источник? Очевидно, осталось множество близких людей Джима Моррисона, которые знают о его смерти гораздо больше, чем рассказывают, но наивно было бы думать, что через столько лет они заговорят без такой убедительной причины, как, например, участие в серьезном художественном (или документальном) фильме о последних днях Джима Моррисона.

Не имея возможности сделать подобное предложение, я решил обратиться к архивам французской полиции. Разумеется, такие документы носят конфиденциальный характер и предоставляются только членам семьи или их полномочным представителям, но опыт подсказал, что всегда бывает какой-нибудь способ просочиться сквозь бюрократические заслоны.

Однако прежде я решил спросить Джерри Хопкинса насчет того, что он думает о моей попытке. Он уверил меня в том, что никаких официальных протоколов не осталось, поскольку вскрытия не было. Это было очевидной ерундой, потому что в таком городе, как Париж, ни один человек не может умереть без полицейского протокола. С другой стороны, смерть Джима Моррисона могла быть скрыта полицией по какой-то загадочной причине, и тогда запись о смерти все-таки есть, но ей грош цена.

Выяснилось, что доступ к архивам не так уж сложен, как я предполагал. Пройдя через обычную бюрократическую канитель и неопределенность ожидания, мои парижские помощники, Марта Легас и Анн Сурада, все же добыли необходимые документы: досье криминального департамента французской полиции и рапорт бригады "скорой помощи" в

архиве департамента пожарной службы.

Полицейский рапорт состоит в основном из пересказа деталей расследования, проведенного в участке во второй половине дня смерти Моррисона. Показания давали лейтенант-пожарник, который командовал спасательной бригадой, офицер уголовного розыска, обследовавший место происшествия (который одновременно руководил слушанием), врач, производивший осмотр тела, и два главных свидетеля: Памела Курсон и Алан Роней.

Показания Курсон заслуживают особого внимания, поскольку претендуют на полное описание последней ночи Джима Моррисона. (Роней выступал в качестве переводчика, а это означает, что полиция не допрашивала свидетелей по отдельности.) В переводе слово «ami» передается как «друг», хотя, разумеется оно означает еще и "любовник".

"Я друг мистера Моррисона, — заявила Памела. — Я жила с ним как жена пять лет. Мы с моим другом приехали во Францию в марте... Он был писатель, но жил на собственные доходы. Перед тем как поселиться на Рю-де-Ботрейн, мы на три недели остановились в отеле «Ницца» на улице Изящных Искусств. Здесь мой друг заболел. Он жаловался, что ему трудно дышать, и по ночам у него были приступы кашля. Я вызвала врача, который приехал в отель и прописал таблетки от астмы. Мой друг не любил ходить по врачам и никогда не заботился о своем здоровье. Я не могу сказать, кто был тот доктор, и я не соблюдала его предписания. До этого мы были в Лондоне, и у моего друга уже была эта болезнь.

Вчера вечером... мой друг пошел один пообедать в ресторан, наверняка где-то поблизости. Когда он вернулся из ресторана, мы вдвоем пошли смотреть фильм «Преследование» в кинотеатр. Мы вернулись из кино примерно в час ночи. Я приготовила поесть, а мой друг показывал любительские фильмы. Казалось, что он здоров и очень счастлив. Но я должна сказать, что он никогда не жаловался, это было не в его натуре. Потом он слушал пластинки в спальне. Мы лежали вместе и слушали. Кажется, мы заснули примерно в 2,30, хотя точно не скажу. Проигрыватель выключился автоматически.

Нет, в последнюю ночь мы не занимались сексом.

Примерно в 3.30, как мне кажется — в спальне не было часов и время меня не волновало, — я проснулась от шумного дыхания моего друга... у меня было впечатление, что он задыхается. Я стала его трясти и несколько раз ударила по щекам, чтобы разбудить. Я спросила, в чем дело. Я хотела вызвать врача. Мой друг сказал, что чувствует себя отлично и не хочет видеть никакого врача. Он встал и прошелся по комнате. Затем он сказал, что хочет принять теплую ванну.

Когда он был в ванной, то позвал меня, сказал, что его тошнит и хочется блевать. По пути в ванную я взяла с кухни оранжевую посудину. Его вырвало, и мне показалось, что там кровь. Я вылила содержимое посуды. Потом его вырвало еще раз — теперь одной кровью. Потом его вырвало третий раз — сгустками крови.

Потом мой друг сказал, что чувствует себя «причудливо», но добавил: "Я не болен. Не вызывай врача. Мне уже лучше. Все прошло". Он сказал мне: "Иди спать". И добавил, что придет ко мне, когда закончит ванну. В этот момент мне действительно показалось, что ему лучше, потому что после рвоты краска вернулась на его лицо. Я вернулась в постель и тут же заснула, потому что почувствовала себя уверенней.

Я не знаю, как долго спала. Я вздрогнула, проснулась и увидела, что он все еще там. Его голова не была в воде. Казалось, что он спит. Под ноздрями было немного крови. Я попыталась его разбудить. Я думала, что он болен и потерял сознание. Я попыталась вытащить его из ванны, но не смогла. Тогда я позвонила мистеру Ронею, он тоже американец, и попросила его вызвать "скорую".

Когда мистер Роней приехал со своей подругой, мадам Агнес (Варда) Деми, они, кажется, вызвали то ли пожарных, то ли полицию".

Как не трудно догадаться, показания Роней совпадают с показаниями Курсон во всех деталях, кроме одной:

"Я знаю мистера Моррисона с 1963 года. Он один из моих друзей. Сегодня утром, примерно в 8.30, меня разбудил телефонный звонок мисс Курсон, которая просила помощи. Она просила меня приехать немедленно. Она плакала. Она сказала, что ее друг потерял сознание. Я тут же встал и отправился на Рю-де-Ботрейн в сопровождении своей подруги, мадам

Деми. Приехав, я увидел на улице пожарных. Я спросил, что происходит, но они не ответили. Я поднялся в квартиру. Я увидел мисс Курсон... которая сказала, что ее друг мертв... Его уже вынесли из ванной и положили в постель.

Мой друг Моррисон много пил и плохо переносил спиртное.

Я уверен, что мой друг никогда не употреблял наркотиков. Он часто говорил о глупости молодых людей, которые употребляют наркотики, и считал это очень серьезной проблемой".

Прежде всего бросается в глаза то, что эти заявления во многом отличаются от так называемой официальной версии, опубликованной в известной биографии Хопкинса — Шугермэна. Второе — существует противоречие в показаниях Роней и Курсон. Роней утверждает, что, когда он приехал, пожарные находились возле дома. Но Курсон говорит, что Роней и Варда вызвали пожарных после своего приезда. Если предположить, что Роней сказал правду, кто же **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** вызвал пожарных?..

Похороны состоялись во второй половине дня в четверг. Не был приглашен никто из членов семьи, никто из духовенства. Присутствовали: Памела Курсон, Алан Роней, Агнес Варда, Билл Сиддонс и Робин Уэртл — молодая канадка, которая в Париже выполняла роль секретаря Джима и Пэм. Они почитали стихи и бросили цветы на гроб, когда он был погружен в землю на глубину пяти метров.

[Свидетельство о смерти.]

В тот же самый день Курсон заполнила свидетельство о смерти в офисе американского консула. На следующий день она и Сиддонс вылетели в Лос-Анджелес. И только после этого общественность известили о смерти Моррисона тщательно взвешенным заявлением.

25 апреля 1974 года Памела Курсон, 27 лет, была обнаружена мертвой в своей голливудской квартире от передозировки героина, вскоре после получения 20.000 долларов в качестве единственной наследницы Джима Моррисона. Она отпраздновала это событие приобретением желтого «Фольксвагена» и унции "китайского белого".

То, что причиной смерти был героин, подтверждает рассказ Дэнни Шугермэна в книге "Авеню в стране чудес", где он описывает вечер, проведенный с Памелой, после ее возвращения в Лос-Анджелес, когда они кололись "коричневым сахаром" (мексиканский героин). Она сказала буквально следующее:

"Я убила его. Это был мой наркотик... Он узнал, что я готовлю его, и — ты знаешь Джима — решил попробовать. И я ему дала? Он никогда раньше его не делал, а я ему дала. Потом он сказал, что плохо себя чувствует... Мне надо было вызвать «скорую», но я махнула рукой... Когда я проснулась на рассвете... я зашла в ванную, и он лежал там... Он улыбался... и я подумала, что он меня разыгрывает".

До переезда в Европу Джим Моррисон не имел истории какой-либо сердечной болезни или астмы. Он много пил и перепробовал много наркотиков, но никогда серьезно не болел. Что же касается кашля, он был вызван тремя пачками сигарет, выкуриваемых Джимом каждый день.

© Альберт Голдман.